

Эскаорт

Дафна дю Морье

«**В**ороново крыло» не представляет собой ничего особенного, вы уж мне поверьте. Грузоподъемность шесть тысяч тонн, судно построено в 1926-м, принадлежит «Кондор-Лайн», порт приписки — Гуль. Все три года, что я на нем прослужил, оно ходило одним и тем же маршрутом и в тех же водах, и до меня тоже. Не сомневаюсь, так будет и впредь, еще многие годы, пока не закончат свои дни на приколе — если его не поторопят немецкие подлодки.

Однажды «Вороново крыло» сумело от них уйти, но как знать, будет ли с нами в следующий раз наш эскаорт? Наверное, лучше сразу сказать — я не фантазер. Зовут меня Уильям Блант. На мои слова можно положиться, кто угодно в Гулле вам это подтвердит. Теперь приступаю к самому рассказу.

В первые дни осени, покинув один из скандинавских портов, мы возвращались домой. О названии порта я умолчу (цензура все равно не пропустит), скажу только, что с начала войны мы сделали уже три рейса туда и обратно. Систему конвоев тогда еще не наладили, и нам с капитаном приходилось каждую минуту быть начеку. Не подумайте, будто мы или наша команда трусили, но Северное море в военное время далеко не рай.

Октябрьским днем, когда мы вышли из порта, мне подумалось, что дом еще очень далеко, а от слов нашего лоцмана-скандинава, который с ухмылкой сообщил о гибели вышедшего шестью часами раньше парохода из Гримсби (немцы его без предупреждения потопили), стало и вовсе не до шуток. Нацисты, сказал он, говорят по радио, что Северное море можно с полным основанием называть Германским. Лоцману-то что: он ведь с нами не шел! Он весело со всеми попрощался, и вскоре его катер превратился в точку у нас за кормой.

Было около трех часов дня. Глядя на море, серое и гладкое, как полотно, я, помнится, подумал, что в таких условиях сложно не заметить перископ и мы, по крайней мере, не будем застигнуты врасплох — если, конечно, барометр не упадет и не задует ветер.

В этом году исполняется 75 лет со дня окончания Второй мировой войны. Для нашей страны основные ее бои прошли на суше, но не надо забывать и об унесших немало жизней морских сражениях. Мы не могли остаться в стороне от знаменательной даты и вспомнили то время, когда СССР еще не вступил в войну с фашистской Германией.

В песне у Александра Галича есть слова: «Если зовет своих мертвых Россия, так значит — беда!» Видимо, это справедливо для любой страны, попавшей в тяжелое положение, когда враг угрожает самому ее существованию. Предлагаем вам рассказ английской писательницы Дафны дю Морье, написанный в 1940 г. и опубликованный в журнале «Иностранная литература» (№ 5, 1984) в переводе Эллы Башиловой.

Мне тогда не бросилось в глаза, что с капитаном что-то не так. То, что он сразу удалился к себе в каюту, ничего не значило. Я помнил, что в случае чего он рядом.

В сумерках резко похолодало, потом пошел мелкий дождь. Мы все дальше уходили в открытое море, началась качка. Осенние ночи в северных водах всегда темные, но эта была совсем беспросветная. В таком мраке непросто заметить перископ, подумал я. Пожалуй, взрыв застигнет нас врасплох.

Если торпеда угодит в середину корпуса, «Вороново крыло» пойдет ко дну через три-четыре минуты; скорее всего, мы даже не успеем заметить, откуда пришла гибель. Подлодка уйдет, уцелевших подбирать не станут. И тут, обернувшись, я увидел капитана у входа в рулевую рубку. Он держался за стенку и тяжело дышал, лицо его было красным.

— Что с вами, сэр? — спросил я.

— Адская боль в боку, — с трудом проговорил он. — Началось вчера, я думал, перенапрягся. А сейчас не разогнуться. Аспирина нет?

Какой там аспирин, подумал я, похоже, у него аппендицит. Я видел человека с таким приступом: его срочно отвезли в госпиталь и прооперировали, не прошло и пары часов. Вырезали аппендикс размером с кулак.

— Градусник есть? — спросил я капитана.

— Да, — ответил он. — Но на кой черт он нужен. Температура нормальная. Говорю же, перенапрягся. Мне бы аспирина.

Я измерил ему температуру, она была нормальной. По лбу у капитана катился пот. Я потрогал его живот — твердый, как камень. Помог бедняге дойти до койки и накрыл его одеялами. Дал полстакана бренди. Может,

Немецкие подводные лодки типа «U» на базе в Киле, 1942 г.

Фотография хорошо иллюстрирует, почему герой рассказа называет субмарину стальной иглой

при аппендиците это и не помогает, но что оставалось делать, когда до ближайшей больницы сотни миль?

От бренди боль поутихла. Чем бы эта история ни кончилась для капитана, для меня она означала одно: командование судном на мне. Я, Уильям Блант, обязан благополучно привести его в родной порт.

Холод пронизывал до костей. Руки и ноги у меня давно занемели, и я ощущал только глухую боль в тех местах, где должны находиться конечности.

— Вам надо поспать. Так нельзя. Почему вы не отдохнете?

В том-то все и дело, что я почти спал стоя, находясь на грани забывья. И только голос Картера, второго помощника, заставил меня очнуться. Он был явно встревожен.

— А если вы свалитесь с ног? — говорил он. — Что мне тогда делать? Вы обо мне подумали?

Послав его к черту, я стал ходить по мостику, чтобы вернуть ногам чувствительность и скрыть от Картера тот факт, что я почти заснул.

— Оттого я и стою сорок восемь часов на мостике, что думаю о тебе. И о том, как лихо ты в прошлый раз в Гулле утопил кормовой буксирный трос, когда его надо было подать на буксир. Так что заткнись и принеси мне лучше чашку чая и сэндвич.

Похоже, от моих слов у Картера отлегло от сердца: улыбнувшись, он кубарем слетел вниз по трапу. Я остался на мостике — вновь и вновь вглядываться в горизонт, в очередной раз убеждаясь, что он пуст. Я залпом выпил чай, наскоро съел сэндвич, сунул руку в карман за трубкой и спичками — и тут случилось то самое, чего я опасался все сорок восемь часов, с тех пор как слег капитан.

— Предмет слева по борту! Расстояние — около мили. Похоже на перископ.

Слова эти прокричал впередсмотрящий на баке и повторил вахтенный на палубе. Я схватил бинокль, посмотрев на стоящих у борта матросов: у них были удивительно одинаковые настороженные лица.

Так и есть, субмарина. Никаких сомнений. Тонкая серая черточка, похожая на иглу, слева по носу, и белая полоса пенного следа за ней. Рядом снова возник Картер. Когда он поднял бинокль к глазам, руки его дрожали. Я немного изменил курс и снова взял бинокль. Перископ теперь был прямо по курсу, серая игла как будто не реагировала на наш маневр; но немного погодя, как я и боялся, субмарина изменила курс. Перископ стал приближаться с наветренной стороны, по правому борту.

— Нас заметили? — проговорил Картер.

— Да, — ответил я.

Мы резко изменили курс и увеличили скорость, оставив иглу за кормой. На миг показалось, будто расстояние увеличивается и субмарина отстает, но нет. Картер разразился потоком отборной брани. Я его вполне понимал. Я в отчаянии снова крикнул в переговорную трубу в машинное отделение, чтобы прибавили ходу.

— Всплывает, — сказал Картер.

Перископ сначала был у нас на траверзе, потом стал обгонять нас, находясь на расстоянии чуть больше мили. Картер не ошибся: лодка всплывала. Видно было, как забурлила вода, как медленно и неотвратно на поверхности появилась рубка, затем весь корпус, длинный и тонкий, с гладких боков которого стекали струи воды.

— Заразы, — шепнул себе под нос Картер, — мерзкие фашистские гады.

Я приказал матросам занять места у шлюпок на палубе. Мои дальнейшие приказы зависели от действий командира подводной лодки.

— Они расстреляют шлюпки,— запаниковал Картер,— не дадут нам спастись!

— Бога ради,— начал я, непонятно почему приходя в ярость от его страха, и тут увидел, что с кормы на нас быстро надвигается стена тумана. Я схватил Картера за плечи.

— Смотри,— сказал я,— смотри!

Видимость уже была не больше кабельтова, первые волны тумана обдали нас холодным кислым запахом. Какой-то миг — и даже корма нашего судна скрылась из вида. Один из матросов затянул шуточную песенку, но на него зашикали, и он замолчал. Субмарина виднелась впереди, темная и неподвижная. Потом нас окутал туман, небо опустилось, мир скрылся за белой стеной.

Была без двух минут полночь. Склонившись из предосторожности пониже, я осветил фонариком на свои часы. Склянки не били с тех пор, как мы впервые заметили подводную лодку. Мы выжидали. Вслед за туманом пришла и тьма. Все было тихо, только судно скрипело, переваливаясь с боку на бок, и плескалась о борт вода. Немного потеплело. Матросы переговаривались шепотом.

Я зашел в каюту к больному капитану и направил на него луч фонарика. Лицо у него было красное, опухшее, дыхание медленное и тяжелое. Он спал тяжелым сном, временами стонал. Открыв глаза, он не узнал меня.

Я вернулся на мостик. Туман чуть рассеялся. Сильное приливное течение сейчас было направлено к югу; направление оно поменяло три часа назад, и я в четвертый раз за вечер стал вычислять наш дрейф. На палубе послышался топот, и в меня с разбегу врезался какой-то матрос.

— Судно по правому борту, сэр! — с трудом переводя дыхание, сообщил он.

У правого борта толпились матросы, взволнованно обсуждая эту новость.

— Похоже, финский барк, сэр! Видны паруса.

Я тоже стал всматриваться в темноту. Да, это был парусный корабль. От нас его отделяла сотня ярдов, и оно приближалось с наветренной стороны. Большое, трехмачтовое, под наполненными ветром парусами. Для перевозки зерна поздно, осень уже. Как он здесь оказался в военное время? Может, лес везет... Видят они нас или нет? Из-за проклятой субмарины мы шли без ходовых огней, можем и столкнуться с лесовозом.

Знать бы точно, что мы оторвались от врага хотя бы на несколько миль! Парусник так и летел бог знает каким образом. Тот ветер, который ощущала моя левая щека, не задул бы и свечку. Если неизвестное судно сохранит ту же скорость, то минует нас всего в полусотне ярдов.

— Порядок,— сказал я,— они нас увидели, разойдемся.

Пока парусник проходил у нас на траверзе, я разглядывал его очертания. Большой, высокобортный, судя по всему, без груза, иначе сидел бы куда глубже. Высокая

корма — я и не думал, что такие еще бывают. Непривычное парусное вооружение, сложный такелаж, необычно длинные реи.

— Они останавливаются, обезветрили паруса,— сказал кто-то, и я услышал, как от качки гремят блоки и стучит такелаж. Почти у нас над головой проплыли огромные реи. Послышался слабый звук. Что это, боцманская дудка? Но туман снова сгустился и накрыл парусник, и мы ничего не могли разглядеть. Тут я услышал слабый оклик.

— Терпите бедствие?

Финны это были или нет, но обращавшийся к нам хорошо владел английским. Однако из осторожности я промолчал. Последовал новый вопрос:

— Что за судно? Куда следуете?

И тут один из моих парней прокричал в ответ:

— Впереди по курсу немецкая субмарина! В полумиле от нас.

Мы ждали не шевелясь. Больше никто не проронил ни звука. Вдруг послышался плеск весел и приглушенные голоса. Из темноты появилась шлюпка, длинная и низкая, как гички в юго-западных графствах. В ней сидели шестеро, на корме стоял, как мне показалось, офицер. Лица его было не разглядеть в темноте. Шлюпка остановилась у нашего борта, гребцы подняли весла.

— Капитан свидетельствует свое почтение, джентльмены. Не желаете ли, чтобы мы вас сопровождали? — спросил старший.

— Кто вы? — спросил я.

— Лейтенант Артур Майлдмей, к вашим услугам, сэр.

Клянусь, говорил он на хорошем английском, только чуть странном. Конечно, Адмиралтейство могло купить финский барк и вооружить его, как сделал фон Люкнер во время предыдущей войны, однако такое предположение выглядело уж совсем неправдоподобно.

— Вы под камуфляжем? — спросил я.

— Прошу прощения? — ответил он несколько удивленно.

Похоже, он не так хорошо владел английским, как мне показалось вначале. Я нащупал револьвер.

— Водите меня за нос? — спросил я язвительно.

— Никоим образом. Повторяю: капитан свидетельствует свое почтение. Вы дали понять, что враг поблизости, и мне поручено предложить вам защиту. У нас приказ сопровождать до безопасного порта всякое торговое судно, какое встретится на нашем пути.

— Чей приказ? — спросил я.

— Его величества короля Георга*, разумеется,— последовал ответ.

В эту минуту у меня по спине пробежал странный холодок. Я судорожно сглотнул. В горле пересохло, и я не сразу сумел ответить. Взглянув на своих матросов, я увидел, что и они сбиты с толку.

Меня тронул за плечо Картер.

Флагманский корабль адмирала Нельсона «Виктори» в Трафальгарской битве. Репродукция картины Монами Свайна, 1795 г. Не он ли сопровождал «Вороново крыло» на пути в родную гавань?

— Не слушайте их,— шепнул он.— Тут что-то не так, это ловушка.

Матрос на гичке, привстав, поднял фонарь, и мне в лицо ударил яркий свет. Молодой лейтенант забрал у него фонарь.

— Почему бы не подняться к нам на борт и самому не поговорить с капитаном? — предложил он.

Я все еще не видел его лица, только что-то вроде плаща на плечах и длинную тонкую руку, державшую фонарь. От его света у меня защипало в глазах, а потом я ответил:

— Согласен, освободите мне место в шлюпке.

Картер схватил меня за руку:

— Вы с ума сошли, вам нельзя покидать корабль.

Я оттолкнул его ладонь.

— Передаю командование тебе, Картер. Я ненадолго. Да пусти же!

Я распорядился спустить за борт веревочный трап. Мною овладело бесшабашное настроение, какое бывает у выпивших, и я подумал, что это, видимо, следствие недосыпания.

Неловко спрыгнув в гичку, я занял место на корме рядом с лейтенантом. Матросы взяли за весла, шлюпка пошла к барку. Было страшно холодно. Подняв воротник шинели, я попытался разглядеть своего спутника, но шлюпку окутывала непроглядная тьма.

Я ощупал банку под собой. Она была холодной как лед, и я спрятал пальцы поглубже в карманы. Холод пронизывал до костей. Прямо передо мной сидел гребец — здоровенный как бык детина с могучими плечами; из закатанных выше локтя рукавов торчали голые руки. Он негромко что-то насвистывал сквозь зубы.

— Тебе что, не холодно? — спросил я.

Он не ответил, и я подался вперед, чтобы заглянуть ему в лицо. Он смотрел словно бы сквозь меня и продолжал насвистывать. Голову его прикрывала шляпа наподобие цилиндра, черная и лоснящаяся.

Лейтенант поднялся на ноги.

— Эй, на корабле! — крикнул он, сложив руки рупором.

Над нами уже нависал высокий борт парусника. На фальшборте вспыхнул фонарь, и снова меня ослепил неприятный желтый свет.

Лейтенант стал проворно взбираться по трапу, я поспешил следом, с трудом переводя дух от холода. На палубе я остановился. В мерцающем свете фонарей я увидел, что это вовсе не барк с грузом леса или зерна, а вооруженный до зубов рейдер. Кругом царил суматоха: беготня, крики; на носу кто-то высоким голосом отдавал команды.

Мимо пробежали матросы, перебрасывались на ходу какими-то репликами, смеялись. Потом промелькнул парнишка лет тринадцати в синей курточке и длинных белых брюках, а по соседству со мной склонился над пушкой крупный бородач в полосатой вязаной шапочке, похожий телосложением на давешнего гребца. Снова резко свистнула боцманская дудка. Обернувшись, я увидел, что на корму бежит, толкаясь, целая толпа босых матросов.

— Капитан ждет вас. Не изволите ли пройти на корму? — пригласил лейтенант.

Я последовал за ним, ничего не понимая и злясь. Однако, следуя за лейтенантом по палубе, я слышал английскую речь и непривычные, но все же английские ругательства.

За дверью юта еще сильнее запахло плесенью. Стало совсем темно. Прищурившись, я обнаружил, что нахожусь в каюте, которую освещал единственный мерцающий фонарь. В центре стоял длинный стол, за ним, на странном стуле с высокой спинкой, сидел человек. Позади него были еще трое или четверо, но свет падал на лицо только сидевшему. Он был очень худ и бледен, с седыми волосами. Темная повязка указывала, что, капитан потерял один глаз, но другой смотрел на меня с той холодной деловитостью, свойственной людям, не привыкшим попусту терять время.

— Ваше имя, любезный? — спросил незнакомец, постукивая ладонью по столу.

— Уильям Блант, сэр. — Неожиданно для самого себя я снял с головы фуражку и вытянулся по стойке смирно.

— Если я правильно понял ваш доклад, вблизи находится вражеское судно?

— Так точно, сэр. Несколько часов назад примерно в миле от нас всплыла субмарина и гналась за нами. К счастью, нас скрыл туман. Приблизительно в половине пятого пополудни. Мы погасили огни и легли в дрейф.

Незнакомец выслушал меня молча.

— Буду рад предложить вам свою помощь, мистер Блант, — произнес наконец он.

— Я не вполне понимаю... — начал я, но незнакомец жестом меня остановил.

— Пока вы под моей защитой, враг вас не атакует. Если вы согласны на мой эскорт, я буду счастлив сопровождать вас до Англии. Туман рассеялся, и ветер благоприятный.

Я не знал, что ответить.

— Под машиной мы идем одиннадцать узлов, — смущенно проговорил я. Он промолчал, и я, решив, что он не расслышал, приблизился к столу. — Что если субмарина нас караулит? Она потопит и нас, и вас. Ваш корабль вспыхнет как спичка.

Незнакомец, улыбнувшись, откинулся на спинку стула.

— Никогда не бегал от французов, — сказал он.

Снова засвистела боцманская дудка, по палубе затопали босые ноги. У меня закружилась голова, казалось, я теряю сознание.

— Прошу предоставить нам эскорт, — проговорил я.

Незнакомец привстал и приблизился ко мне. Я видел синий выцветший мундир, ленту через плечо, его бледное лицо и единственный глаз — голубой. Улыбнувшись, он протянул мне руку и поддержал меня, чтобы я не упал.

Видимо, в шлюпку меня спустили без сознания. Когда я очнулся, мои матросы поднимали меня с трапа на палубу.

— Слава богу! — сказал Картер. — Что там с вами делали? Вы блее мела. Это финны или немцы?

— Англичане. Я виделся с капитаном. Они будут сопровождать нас до дома.

— Вы в своем уме?

Я промолчал, взошел на мостик и приказал запустить машину. Туман действительно рассеивался, над головой тускло замерцала первая звезда. Я обрадовался привычным звукам на судне. Мерный стук гребного винта ласкал мне слух.

Мы шли, рассекая зыбь, а справа по борту, ярдах в ста, следовал наш эскорт. От его носа с шипением разлеталась пена, паруса наполнял ветер, которого никто из нас не ощущал.

Я пошел проведать капитана. С ним был стюард; когда я вошел, он включил лампу над койкой больного.

— Температура упала, — сказал он. — Наконец-то уснул. Похоже, выкарабкается.

— Да, я тоже так думаю, — ответил я.

Насвистывая мотив, который слышал от матроса на гичке, я вернулся на мостик. Мелодия была веселая, ритмичная и как будто знакомая, хотя ее названия я вспомнить не мог. Туман совсем рассеялся, в небе зажглись звезды. Мы шли теперь полным ходом, но наш эскорт по-прежнему держался на траверзе, а иногда даже чуть обгонял.

Про подлодку я и думать забыл: меня переполняла уверенность, которой мне так не хватало прежде. Похоже, уверенность разделял и рулевой; он улыбнулся и заметил, кивнув на эскорт: «Хорошо идут, не правда ли?» и засвистел ту же мелодию. Один только Картер держался в стороне и мрачно отмалчивался.

За всю ночь, пока мы шли с эскортом, субмарины мы больше не видели. Наконец небо на востоке немного посветлело. Пробили пять склянок, и еле слышно отозвалась боцманская дудка. Наверное, я один и уловил этот тихий звук. Я снова пошел к капитану.

— Где мы находимся, Блант? — спросил он. — Что происходит?

— Приближаемся к порту назначения, — ответил я.

— Какое сегодня число? — спросил он.

Я ответил.

— Быстро дошли, — удивился он.

Я кивнул.

— Я не забуду того, как вы меня выручили, Блант. Подаю рапорт судовладельцу, вас ждет повышение.

— Какое там повышение! Не меня надо благодарить, а наш эскорт.

— Эскорт? — у капитана округлились глаза. — Какой эскорт?

Я поведал ему всю историю, начав с подводной лодки и тумана и закончив появлением барка и моим визитом на борт странного парусника. Капитан, откинувшись на подушки, слушал меня в изумлении.

— Как называется этот ваш барк? — спросил он, когда я закончил.

— Убей меня бог, не помню и не спросил!

Я снова принялся насвистывать мелодию, которую услышал от гребца на гичке.

— Ничего не понимаю, — сказал капитан. — Вы не хуже меня знаете, что в королевском флоте давно нет парусников.

Я пожал плечами.

— Дайте мне выпить, и хватит уже свистеть эту дурацкую песню, — сказал капитан.

— А что вам не нравится?

— Это «Лиллибуллера», ей уже лет триста. С чего это вы ее вспомнили?

Я в изумлении посмотрел на капитана.

— Разве? — удивился я.

Капитан жадно пил, глаза его внимательно следили за мной.

— Ну где он теперь, ваш эскорт?

— Впереди справа по курсу, — сказал я и вернулся на мостик.

Красный шар солнца был уже высоко над горизонтом. Вдали виднелся английский берег. Но парусника нигде не было.

Я повернулся к рулевому.

— Куда он делся?

— Простите, сэр?

— Я говорю, где парусник?

Рулевой удивленно посмотрел на меня.

— Не видел никакого парусника. У нас на траверзе эсминец. Наверное, появился, пока было темно. Я его заметил, как взошло солнце.

Я взял бинокль и оглядел западный горизонт. Рулевому не показалось: это был эсминец. Несколько минут я молча наблюдал за ним, потом опустил бинокль.

— В девять тридцать войдем в порт, — заметил я.

— Да, сэр.

Вдалеке уже показались черное пятнышко и тонкая струйка дыма. Нас встречали буксиры. Вся команда разошлась по своим местам, а я был на капитанском мостике: мне предстояло привести судно в порт. За пять минут до того, как к нам подошли буксиры, а над головами у нас закружили первые чайки, капитан вызвал меня к себе.

— Блант, — сказал он, — я тут подумал... Этот капитан, с которым вы говорили ночью... Вы сказали, у него на глазу была черная повязка. А вы случайно не заметили у него пустой рукав, пришитый к груди мундира?..

Мы молча обменялись взглядами. Пронзительный свисток возвестил, что у борта уже стоит лоцманский катер. Где-то далеко-далеко на него чуть слышным эхом отозвалась боцманская дудка...

*Блант и лейтенант Майлдмей имеют в виду разных королей, конечно: Георга VI и Георга III соответственно. — Прим. ред.

Еще одно британское торговое судно нашло свою смерть от немецкой подводной лодки. Северное море, 1940 г.

